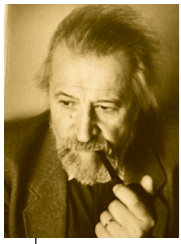

Грушин Борис Андреевич (1929-2007) – советский / российский социолог, доктор философских наук, профессор, один из основателей современной российской социологии. Им положено начало изучению в СССР / России общественного мнения и внесен крупный вклад в подготовку социологических кадров в стране.

Б.А. Грушиным опубликовано множество научных работ, важнейшие из которых указаны здесь: *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений. М., 1967; Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования. / Под ред. Б. А. Грушина, Л. А. Оникова. М., 1980; *Грушин Б.А.* Массовое сознание. М., 1987; *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я «Эпоха Хрущева». М., 2001; Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева» Часть 1. М., 2003; Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева» Часть 2. М., 2006.

Материалы о жизни и творчестве Б.А. Грушина: Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М., 2010; Открывая Грушина. Том 2 / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М., 2011.

Б. А. ГРУШИН. ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ[2]

Бесконечно благодарен Борису Андреевичу Грушину за множество дружеских встреч, каждая из которых памятна и помогла мне лучше понять прошлое и настоящее исследований общественного мнения в России.

Все мы вышли из «грушинской шинели»

2 августа 2004 года Борису Андреевичу Грушину исполнилось 75 лет. Я поздравил его и сказал все добрые и сердечные слова, которые приятно высказать глубоко уважаемому человеку в дни его юбилея.

Настоящая статья – не юбилейная: ни по цели, ни по содержанию,

[2] *Докторов Б.* Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2004. №4. С. 2–13.

ни по стилю; она – биографическая. Но и биографичность ее особая: из множества событий в жизни Грушина отобрано и представлено лишь то, что, с нашей точки зрения, необходимо для решения главной задачи – анализа и характеристики сделанного ученым за более, чем четыре десятилетия научной деятельности. Биография Грушина, при всей ее уникальности и одновременно типичности для определеной группы интеллектуалов-шестидесятников, в данном случе не является самостоятельным объектом нашего изучения, и потому многое из того, что было в его жизни (и, несомненно, привлекло бы внимание читателя), здесь не отражено вовсе или обозначено лишь пунктирно.

Грушин входит в узкую группу исследователей, с полным правом называемых основателями советской теоретико-эмпирической социологии. Суть творчества Грушина и уникальность его вклада в социологию заключается в триединстве его деятельности.

Во-первых, Грушин – философ и методолог социологии, значительно углубившей понятийный язык этой науки, а также наше понимание природы массового сознания и многих других форм мышления и поведения масс. Кроме того, им существенно развиты общие принципы построения социологических теорий среднего уровня. Во-вторых, Грушин – исследователь различных социальных институтов и массовых форм жизнедеятельности общества: массовое сознание, общественное мнение, идеологические процессы, функционирование средств массовой информации, политические процессы. В-третьих, Грушин – один из немногих социологов, долгие годы целенаправленно и успешно занимающихся разработкой методов и процедур сбора и анализа эмпирической информации. Им самим и его учениками создано множество «жестких» и «мягких» приемов измерения мнения населения, предложены сотни формулировок вопросов, измеряющих отношение людей к различным социальным явлениям и процессам. Грушиным введен в научный обиход огромный массив информации об общественном мнении и других фракциях, состояниях массового сознания.

В последние годы в его новом проекте «Четыре жизни России» [1] Грушиным теоретически обоснован и реализован принципиально новый прием «бережной» интерпретации данных, полученных много десятилетий назад. В его анализе ему удается сохранить дух прошлого, т.е. того времени, когда данные были собраны, и одновременно передать то, что произошло в массовом сознании населения (и в личном сознании автора) в течении последующих десятилетий. Другими словами,

в опубликованых материалах Грушин предстает не только «летописцем» событий 30–40-летней давности, но социологом, пытающимся дойти до корней современной российской ментальности.

В последние годы крайне робко, но все же начинается изучение того, что делалось и что сделано в последние сорок лет прошедшего столетия советскими учеными в теоретических пластах социологии и в теоретико-эмпирических поисках. Не приходится сомневаться в том, что даже по самым жестким критериям сделанное Грушиным будет оценено очень высоко; его теоретические и теоретико-эмпирические результаты будут востребованы новыми поколениями ученых России и других стран.

Грушин первым стал изучать общественное мнение в СССР, и в сферу его анализа оказались включенными практически все аспекты, грани этой области познания: от фундаментальных теоретико-методологических проблем, до организационных аспектов крупных многокомпонентных исследовательских проектов. Можно утверждать, что и интерпретация природы общественного мнения, принятая многими российскими исследователями, и используемые отечественными поллстерами измерительные приемы генетически связаны с тем, что сделано Грушиным.

Особая тема – Грушин как журналист, и здесь его опыт и вклад многоаспектен и весом. Прежде всего, он ввел в советскую, а затем в российскую журналистику и в повседневный мир миллионов людей сам феномен общественного мнения и дал возможность населению узнать, что оно думает о событиях общенационального и глобального масштаба. Вспоминая начало 60-х и обозначая цели создания Института общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), первой в СССР профессиональной организациии по изучению общественного мнения, Грушин пишет: «Под этим лежал и отчетливо выраженный *гражданский интерес,* связанный с намерением Института «приучить» общество к изучению общественного мнения как к определенной - политической и информацонной *норме публичной жизни страны*». Таким образом, сегодняшняя российская практика публикации итогов опросов общественного мнения, хотя многие принципиальные аспекты ее критикуются, отвергаются Грушиным, восходит, вытекает из его понимания важности симбиоза журналистики и опросов общественного мнения.

Во-вторых, результатом огромного и многострадального «Таганрогского проекта», выполнявшегося под руководством Грушина, является теоретически фундированная и эмпири-

чески обоснованная модель процесса функционирования средств массовой информации в советский период. Любые будущие серезные исследования масс-коммуникативной реальности в России будут учитывать логические конструкции «Таганрогского проекта», а обнаруживаемые механизмы формирования массового сознания будут сопоставляться с тем, что было обнаружено в Таганроге на рубеже 60-70 годов прошлого века.

В-третьих, Грушин сам является профессиональным журналистом, многие годы работавшим в прессе, на радио и телевидении. Он был ведущим сотрудником и членом редколлегии журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в Праге. В годы перестройки он был одним из наиболее заметных политических обозревателей, выступления которого отличались логичностью конструкций, полемичностью, часто – резкостью высказываемых суждений, и афористичностью. Происходившее в стране в поздне-перестроечные и раннеельцинские годы Грушин обозначил терминами, которые и сегодня помнятся многими. Говоря о принципиальных, цивилизационных сдвигах, затрагивавших основы общества и природу сознания россиян, он использовал понятие «социотрясение». На Радио «Свобода» Грушин вел передачу, в которой рассматривались многие логически трудно объяснимые, он говорил – «шизофренические» – процессы, происходившие в России. Передача называлась «Общество имени Кафки Корчагина».

Еще один важнейший компонент творческой и гражданской деятельности Грушина – подготовка кадров. Среди его прямых учеников – множество ведущих российских философов, социологов, журналистов и политологов. Еще многое будет написано о Грушине - Учителе, но об отношении Грушина к его ученикам многое говорит такой «тихий» факт: первая часть второй книги его «четырехкнижия» посвящен его рано умершим младшим по возрасту коллегам: Виктору Нейгольдбергу, Якову Капелюшу, Вадиму Сазонову и Григорию Токаровскому. Они названы первопроходцами в изучении общественного мнения в СССР.

Перечисленное – лишь обозначение сделанного Грушиным. Это по-настоящему много. Действительно, практически все изучающие общественное мнение в России и в бывших советских странах, являются прямыми или опосредованными учениками, последователями Грушина. Одни знают и ценят это обстоятельство, другие – видимо, и не подозревают. Одни – читали и перечитывают книги Грушина и в своей деятельности стараются следовать его научным и этическим

канонам, другие, стремясь подходить к делу профессионально, возможно не знают о том, что многое в российской культуре функционирования и изучения общественного мнения несет в себе следы научной и общественной активности Грушина. Одни - действуют в манере и стиле, с которыми бы согласился Грушин, другие, подверглись бы его резкой критике. Такова объективность, и это следует принимать и учитывать.

Обозревая современную ему литературную среду, Ф.М. Достоевский писал: «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя». Российское сообщество аналитиков общественного мнения вышло из «грушинской шинели».

Один из «диастанкуров»

Грушин родился в Москве в 1947 году, и после окончания школы поступил на философский факультет Московского университета. В то время он «..был одержим проблемами морали и шел туда, чтобы улучшить свое поколение». Возможно, что со временем он стал бы «нормальным» философом, который разрабатывал бы проблемы морали, но в год его поступления в университет произошло непредвиденное.

По воспоминаниям автора множества работ по философии познания Иосафа Семеновича Ладенко (1933–1996), формировавшегося в московской школе методологов, «Однажды в кабинет Генералиссимуса, работавшего по ночам, были «доставлены» оставшиеся в живых отечественные логики, в том числе В. Асмус, М. Строгович и П. Попов... Вождь предъявил им «Учебник логики» для гимназий Г.Челпанова, произнес речь о пользе логики и необходимости изучения ее советскими специалистами, руководящими работниками и студентами, а затем дал задание – обеспечить подготовку преподавательских кадров и развернуть образовательный процесс в учебных заведениях» [2]. После этой встречи на философском факультете МГУ была открыта кафедра логики, и Грушин тут же, по его словам, «откликнулся на призыв партии и правительства».

Университетские годы Грушина прошли в напряженных философских дискуссиях внутри неформального дружеского объединения, известного сегодня как «московский логический кружок» (МЛК). Кружок возник в начале 50-х годов и окончательно оформился в 1954 году. Основателями, ядром МЛК были четыре человека, каждый из которых внес значительный вклад в науку, в философскую культуру и в нравственный климат советского общества. О каждом из них написано много, потому ограничимся лишь самой краткой справкой.

Старшим в этом объединении был Александр Александрович Зиновьев (р. 1922 г.), которого, вспоминает в одном из его интервью Грушин, за глаза называли Учителем. Ко времени возникновения кружка Зиновьев имел богатую событиями биографию. До войны он учился в знаменитом ИФЛИ, был арестован по обвинению в подготовке убийства Сталина, бежал из под следствия, в годы войны воевал сначала в танковом полку, а затем в штурмовой авиации. Одновременно с обучением на философском факультете, он учился на механико-математическом. Зиновьевым получены принципиальные результаты в области логики и методологии науки, и он широко известен как автор ряда социологических исследований о природе коммунистического общества. После публикации книги «Зияющие высоты» в 1979 году Зиновьев был выслан из СССР, в Россию он вернулся в июне 1999 года.

Ровесником Грушина был Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994), москвич, в 1946 году поступивший в Московский университет. Проучившись три года на физическом факультете, он, отказавшись заниматься атомной тематикой, в 1949-м – перевелся на философский, который закончил с отличием в 1953 году. В течении многих лет круг его научных интересов включал в себя структурно-системный анализ знаний и мыслительной деятельности, определение места и границ логических и нормативных методов анализа мышления, психологические и педагогические методы исследований мышления.

В 1968 году Щедровицкий подписал коллективное письмо руководителям КПСС и правительства в защиту правозащитников Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова. Сразу последовали: исключение из партии, увольнение с работы, потеря возможности публиковаться. Результат оказался весьма неожиданным: доклады и лекции Щедровицкого стали расходиться по стране во множестве магнитофонных записей, так было с песнями Владимира Высоцкого и монологами Михаила Жванецкого.

Через несколько месяцев он нашел новую работу и сконцентрировался на изучении проблем семиотики и теории понимания, исследовал особенности проектного, планирующего и программирующего мышления, занимался анализом перспектив развития методологического мышления и методологии. Позже им была разработана новая форма организации коллективного мышления и деятельности, получившая название организационно-деятельностные игры.

Младшим в этой четверке и позже всех примкнувшим к ней был Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990), при-

знаваемый в наше время одним из ведущих философ второй половины 20 века. Он был мыслителем от рождения. В личном письме сестре Мамардашвили Грушин писал о нем: «Для меня самым главным в нем было то, что этот человек был как бы задан один раз и навсегда в готовом виде. Это меня потрясало больше всего... Если я когда-либо встречал так называемого нонконформиста, то это был, прежде всего, Мераб. Я встретил его в первый или во второй день появления на философском факультете в 1949 году, ...когда у нас начала складываться... группа людей, которая чувствовала всю несуразность того, что происходит в философии, в образовании философском. Я был тогда студентом третьего курса, когда появился Мераб. Он не сразу примкнул к нам, и не примкнул именно потому, что резко отличался по складу своего мышления, по взглядам на жизнь вокруг нас. Но он сразу внес какую-то абсолютно новую линию, новую ноту. Он уже тогда утверждал то видение мира, до которого мы добрались коллективными усилиями только в 1990-м» [3].

При жизни были изданы три небольшие книги Мамардашвили, остальное: его лекции о Декарте, Канте, Прусте, работы по истории античной и современной философии, многочисленные доклады – увидели свет после его смерти.

Недавно Грушин вспоминал: «Действительно, наша четверка являла собой беспримерный образец мужской дружбы. Это было что-то совершенно невероятное: у нас у всех были семьи, но эти семьи были далеко-далеко на заднем плане. Мы принадлежали друг другу, встречались каждый день и действительно могли претендовать на роль Диоскуров» [4]. Незадолго до смерти Мамардашвили сказал: «...Это было завязкой дружеских связей, связей заговорщиков личностного бытия интеллектуальной, идеально-содержательной дружбы, т.е. явления, которое исключалось существующим обществом. Если дружба случалась, то уже сама по себе она становилась разрушительной оппозицией по отношению к тогдашнему обществу» [5].

Сами участники МЛК называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами». Мамардашвили объяснял происхождение этого названия так: «Издеваясь над приспособленческим искусством – «реалистическим», ... где фактом нового искусства считалось само изображение новых людей, т.е. партийных руководителей района и всей страны, когда портреты выполнялись в гайках, сеном... есть смешная картинка такого наблюдения у Ильфа и Петрова. Они назвали подобных «художников» диалектическими станковистами – диастанкурами! Вот в этом смысле, плюс внутренняя

аллитерация, мы и были четырьмя диастанкурами... скажем так» [5].

В одном из своих интервью Грушин кратко охарактеризовал поиски диастанкурами своего видения мира и философии. «До появления «диалектических станковистов», – сказал он, – логика делилась на диалектическую и формальную. Диалектическая была просто болтовней, потому что формулы «отрицание отрицания», «единство и борьба противоположностей» к науке, с нашей точки зрения, не имели никакого отношения. И в том числе к Гегелю, у которого данная терминология во многом была почерпнута. ...(БД: у нас) речь шла о том, чтобы понять, как происходит процесс мышления в раскрытии предмета, в добывании истины. Формальная логика занималась исчислением высказываний в лучшем случае.... Мы же стремились раскрыть приемы и процессы самого мышления, познания и расчленения вещи. ...Мы назвали эту логику генетически-содержательной, – содержательной в том смысле, что мы пытались раскрыть содержательные процессы познания, а не формальные» [4].

Мамардашвили отмечал, что их поколение было лишено информации, лишено связей, но диастанкурам удалось найти в логике «Капитала» материал для анализа, который им не надо было выдумывать, он был дан и рассматривался ими как образец интеллектуальной работы. «Это не марксизм, говорил Мамардашвили», – это текст личной мысли Маркса, текст мыслителя по имени Маркс» [5].

Кружковцы понимали, что выбор любой тематики из области исторического материализма означал для сделавшего этот выбор превращение в своеобразного пономаря, обслуживавшего идеологические шестеренки. Они отыскали свою тематику в пересечении содержательной и диалектической логики, но старательно избегали говорить о диалектической логике, чтобы подчеркнуть свое отличие от идеологизированных трактовок марксовой диалектики. Мамардашвили отмечал: «Мы не были ревизионистами Маркса, мы не были идиотами, но и марксистами оказались только в том смысле, в котором я говорил: у нас был «текст нищих», и из этого что-то вырастало, при этом, никаких обязанностей перед марксизмом, как теорией и течением, как социально-политической теорией и течением социализма, у нас абсолютно ничего общего не было».

С темой собственных исследований Грушин определился рано, это было изучение логики «Капитала». В 1952 году он завершил обучение с дипломной работой «Проблема логического и исторического в «Капитале» Маркса».

Кандидатская диссертация Грушина называлась «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». В ней было показано, что развитие возможно лишь в том случае, если соответствующие объекты, процессы обладают системным характером. Системность объявлялась базой, основой развития, и в нем вычленялись определенные, универсальные этапы. Для доказательства справедливости своей точки зрения Грушин обращался к историческому и естественнонаучному материалу.

В своих заметках Ладенко писал о диссертации Грушина: «его интересы не ограничивались анализом «Капитала»; он привлекал научные сочинения разных авторов, стремясь путем сопоставления и сравнения найти общие для них приемы и способы мышления. Это были исторические исследования, притом не только истории обществ, но также истории природных явлений. Обращаясь к вопросу о соотношении исторического и логического Б. Грушин выходил за границы того, что было в «Капитале», и обсуждал этот вопрос для других случаев построения теоретического знания о сложных развивающихся объектах. Он ввел представления о структурно-исторических и историко-структурных исследованиях, а также об особенностях применяемых в них приемов и способов мышления» [2].

Грушинская трактова соотношения логического и исторического не нашла поддержки в Ученом Совете, и в 1955 году диссертанта провалили на предзащите. В 1957 году он защищал работу второй раз; обсуждение длилось пять с половиной часов, и в них участвовало 13 человек. Итог защиты был успешным: 15 «за» и 3 «против», но эти трое написали в ВАК о том, факультет совершил грубую идеологическую ошибку и пропустил антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищаться третий раз, теперь – в ВАКе. Все завершилось только в 1958 году. Через несколько лет диссертация была опубликована в виде монографии [6].

Всему начало: Институт общественного мнения «Комсомольской правды»

После провала защиты диссертации у завершившего обучение в аспирантуре Грушина наступило трудное время. Диастанкуры считались ярко выраженными антимарксистами, и действовало правило «волчьего билета», закрывавшее перед Грушиным возможность найти работу по специальности. После массы неудач случайно в 1956 году он был принят в «Комсомольскую правду» литсотрудником отдела пропаганды.

В трехлетней давности интервью, проведенном журналисткой, писателем и драматургом О. Кучкиной, связанной с «Комсомолкой» и знакомой с Грушиным с начала 60-х годов, им обрисована творческая и гражданская среда, в которой он оказался в начале своей карьеры. Эти зарисовки крайне важны для понимания того, как и почему именно в той «команде» смогли родиться первые в СССР опросы общественного мнения.

Отсчет времени, считает Грушин, следует вести со второй половины 50-х, когда «Комсомолку» возглавлял Алексей Иванович Аджубей (1924–1993), незаурядная личность, выдающийся журналист периода хрущевской «оттепели», при котором газета стала выходить миллионными тиражами. Грушин пришел в редакцию, когда Аджубей уже работал в «Известиях», но в «Комсомолке» сохранялся его стиль, дух: поддерживались новые идеи и открывались новые жанры, проводились дискуссии по вопросам, волновавшим молодежь, публиковались письма реабилитированных, вернувшихся из концлагерей. Грушин отмечает: «Я несколько раз в жизни был в хороших коллективах, так мне повезло, но я никогда не встречал такого тепла, таких дружеских отношений между людьми самых разных возрастов, такой поддержки и полного отсутствия зависти. Многое шло от журналистов, которые пришли с фронта. Они были старше нас и казались просто стариками…. Они создали климат честности» [7].

Первые три года в газете были тяжелыми для Грушина от сознания, что он предал любимое дело. Уже став редактором отдела пропаганды, он собирался вернуться в логику по-настоящему оснащенным математически и пошел учиться на механико-математический факультет МГУ. Сдал пять сессий и провалил шестую, потому что «засасывали» дела и жизнь газеты. Возможно, он все же вернулся бы в логику, но к 1960-му году постепенно произошла смена его научного интереса: от изучения научного сознания он перешел к анализу сознания массового.

Грушин пишет: «Когда именно родилась идея создать Институт общественного мнения, я не помню. Думаю, это было результатом коллективных усилий нескольких людей – не только моих, но и тогдашнего главного редактора «Комсомолки» Ю.П. Воронова, ее будущего главного редактора Б.Д.Панкова и моего зама В.В. Чикина» [8, с. 208]. Поскольку сам Грушин отмечает коллективность выработки идеи проведения опросов общественного мнения в СССР, следует привести хотя бы краткие сведения о названых им людях.

Они все были почти одногодки, каждому было чуть больше или чуть меньше 30 лет. Старшим был журналист, партийный работник, поэт Юрий Петрович Воронов (1929–1993). Он пришел в «Комсомолку» в 1954 году уже опытным газетчиком, ряд лет был заместителем Аджубея и успешно вел газету до середины 60-х годов. Ленинградец, блокадник, он представлял лучшую, граждански наиболее зрелую часть того поколения, о котором он сам написал: «Им в 43-ем выдали медали и только в 45-ом паспорта». В годы перестройки он был заведующим отделом культуры ЦК КПСС и недолго – главным редактором «Литературной газеты».

Интересна и многогранна жизнь Бориса Дмитриевича Панкина (р. 1931), журналиста и дипломата. Закончив в 1953 году факультета журналистики МГУ, он два десятилетия работал в «Комсомолке». В начале 80-х он становится дипломатом. С 1982 по 1990 годы Панкин был послом Швеции, а с 1990 по август 1991 года – в Чехословакии. Панкин оказался единственным советским послом, открыто осудившим в 1991 году путч и создание ГКЧП. Когда все улеглось, М. Горбачев назначил Панкина министром иностранных дел Советского Союза, таким образом, ему суждено было стать последним министром иностранных дел СССР. Уже много лет Панкин живет в Швеции, продолжает журналистскую деятельность и опубликовал ряд исторических и литературоведческих книг.

Валентин Васильевич Чикин (р. 1932) не только участвовал в обсуждении идеи опросов общественного мнения, но принимал участие в их организации; он, отмечает Грушин, был «первый и долгое время единственный, кроме руководителя, сотрудник Института). Чикин окончил факультет журналистики МГУ и, по его словам, десантировался на 6-й этаж (БД: расположение редакции «Комсомолки» в здании «Известий») в 1956-м, еще студентом..., а ушел в 1971-м с поста первого зама главного редактора. С 1971 года деятельность Чикина связана с газетой «Советская Россия», с 1986 года он возглавляет редакцию газеты. 22 августа 1991 года «Советская Россия» была закрыта за поддержку действий ГКЧП, но в сентябре 1991 ее выпуск возобновился, и Чикин снова стал ее главным редактором. Чикин – член Коммунистичекой партии России и по ее спискам неоднократно избирался в Государственную Думу.

ИОМ «КП» возник в мае 1960 года, и Грушин стал его руководителем. Первый опрос был проведен 10 – 14 мая 1960 года в преддверии несостоявшегося Парижского совещения глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американ-

ский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса: «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом.

Анкета для самозаполнения включала в себя три главных вопроса:

1. Удастся ли человечеству предотвратить войну (Да, нет)
2. На чем основана Ваша уверенность?
3. Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?

Было еще пять вопросов, направленных на получение информации о респондентах; три – базовых: пол, возраст и род занятий и два специальных, релевантных тематике опроса: о характере участия в Великой Отечественной войне и о мере понесенных утрат. Для каждого из участников опроса сохранялась информция о месте жительства и о типе населенного пункта (крупный, средний, малый город или село).

Процедура отбора респондентов производилась на основе условной (квази-) стратифицированной пропорциональной выборки. Было решено провести опрос в тех районах страны, население которых «ближе всего столкнулось с бедствиями» войны. Это задало географию опроса: населенные пункты, расположенные на 30-ом, Пулковском меридиане. Здесь располагались четыре союзные республики бывшего СССР: РСФСР, Белоруссия, Украина и Молдавия, в годы войны там велись активные боевые действия, и значительная часть обозначенной территории была оккупирована немецкими войсками.

В выборку было включено десять населенных пунктов: самый северный – город Никель на Кольском полуострове и самый южный – военный городок близ Тирасполя. В каждом населенном пункте опрашивалось по 100 человек, и организаторы опроса контролировали состав выборки по пяти параметрам: место жительства, тип поселения, род занятий, пол и возраст. Погрешности планирования выборки и перекосы в выборке, допускавшиеся при ее реализации, естественно не позволяли рассматривать то первое в Союзе исследование как репрезентативное. Но авторы этого и не утверждали, в их интерпретации не шла речь о мнении населения страны.

19 мая 1960 газета сообщила о создании Института и начале изучения общественного мнения: «Сегодня «Комсомольская правда» открывает на своих страницах Институт общественного мнения. С его помощью газета намерена изучать и рассказывать о мнении советских людей по наиболее актуальным вопросам внутренней и внешней политики СССР, коммунистического воспитания трудящихся. Такое изучение

даст возможность учитывать самые различные мнения, что представляется важным и для практики пропагандистской работы. Оно будет вестись путем социологических обследований и опроса широких слоев населения одновременно в различных географических районах страны» [1, Жизнь 1-я, с. 47-48].

В этом же выпуске под заголовком «Удастся ли человечеству предотвратить войну? - Да! - Отвечает 30-й меридиан» публиковались материалы первого опроса.

Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром Воронову позвонили от «первого» и сообщили: «Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: «Прекрасно». Поздравляем с большим успехом». На следующий же день газета «Правда» (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке «Из последней почты» оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [8, с. 209.].

Второй опрос был проведен в августе-сентябре того же года: изучалось отношение населения к динамике уровня жизни в СССР. Сегодня подобная тема представляется социальным исследователям естественной и важной для понимания хода социальных преобразований проходящих в стране. Но в начале 60-х она вызывала, повидимому, столь же естественное недоумение со стороны экономистов. Трудно было осознать, что статистика социальных изменений и общественное мнение по поводу динамики уровня жизни – это разные грани социальной действительности.

На волне успеха в январе-марте 1961 года был проведен третий зондаж мнений, привлекший к себе внимание в стране и за рубежом. Это был прессовый опрос, вопросы публиковались в газете. На третий день после их публикации в редакцию пришло свыше 900 писем с ответами, на пятый – более полутора тысяч, и к концу обозначенного для получения ответов срока – двадцать дней – их было более 19 тысяч. Безусловно, многое в этой читательской активности объясняется выбором темы опроса: «Что Вы думаете о своем поколении?», но не меньшее значение имел сам факт обращения к аудитории с просьбой высказать свое мнение. Люди впервые увидели, что их мнением интересуются, что оно кому-то нужно.

В первом томе своего «четырехкнижия» Грушин отмечает, что публикация анкеты в газете вызвала множество комментариев за границей. Запад высказывал удивление тем, что

советской молодежи дали возможность высказаться о своей жизни. Вот некоторые примеры: «Молодежная газета России «Комсомольская правда» напечатала нечто рискованное для общества, контролируемого коммунистами, – опрос общественного мнения. Молодых русских и их подруг просят сказать, являются ли они счастливым или несчастливым поколением» (Daily Telegraph, 9 января 1961); «...Первые опубликованные ответы обнаруживают, что большинство из ответивших любит свою Родину и гордится своим поколением. Однако ...приблизительно двадцать наиболее смелых юношей и девушек написали о том, что некоторые из их соотечественников огорчают их своей инертностью, отвращением к работе, бесцельностью, а иногда и «идиотским» подражаением западной манере одеваться» (New York Herald Tribune, 28–29 января 1961) [1, Жизнь 1-я, с. 49-50].

ИОМ «КП» просуществовал почти восемь лет и за это время было проведено 27 опросов: одно – международное и 20 – всесоюзных. Имеет смысл указать три группы причин прекращения деятельности Института. Начнем с организационных причин, но они не были главными. Далее, с изменением социального и политического климата в стране – «оттепель» ушла в прошлое и наступило время Брежнева – стала заметной напряженность между журналистами и исследователями общественного мнения. Большая часть производимой Институтом информации оказалась «непубликабельной», поскольку, – пишет Грушин, – «она либо работала на антипропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала такие решения проблем, которые плохо совмещались или вовсе не совмещались с господствующей в обществе идеологией». Так, если в течении 1960–1964 годов (эпоха Хрущева) было опубликовано 58 материалов по итогам опросов, то с октября 1964 года по декабрь 1967 года – всего 29 [1, Жизнь 2-я, часть 1, с. 16.].

Но наиболее весомая причина заключалась в усиливавшейся напряженности между наукой и властью. Все острее обозначалась незаинтересованность органов управления в объективной информации и их настороженность в отношении к выводам, даже мало-мальски отклонявшимся от императивов набиравшего силу социального мифотворчества. Начинали проявляться признаки эпохи застоя.

По словам Грушина, «с исследованием «Комсомольцы о комсомоле» случился форменный скандал». Объективное положение вещей в молодежной коммунистической организации кардинально не совпало с тем, что требовалось в преддверии

XV съезда ВЛКСМ. Обнаружился высочайший уровень разочарованности в комсомоле, неприятие молодыми людьми способов жизнедеятельности ВЛКСМ в целом и собственного участия в делах этой организации.

Крупными неприятностями для «Комсомолки» и для исследователей обернулся опрос о выборности на производстве, проведенный в апреле 1967 года Яковом Самойловичем Капелюшем под руководством Грушина. Недовольство высших партийных идеологов вызвала публикация в газете факта активной поддержки населением идеи выборности руководства. Через два года результаты этого исследования удалось опубликовать, но тираж брошюры долго задерживался для распространения, и в конце концов его почти полностью уничтожили (автор настоящей статьи – один из немногих, у кого хранится экземпляр этой редкой книги) [9].

Институт был обречен, и в декабре 1967 года он был закрыт.

Три книги – три главных направления исследований Грушина

Помимо того, что результаты опросов регулярно представлялись на страницах «Комсомолки», они с момента рождения ИОМ публиковались в научных журналах и в изданиях, обращенных к широкой читательской аудитории. В частности, три первые книги Грушина, в которых он предстает аналитиком общественного мнения [10], увидели свет одновременно с его монографией по логике мышления. В начале второй половины 60-х по материалам ряда опросов Грушиным были опубликованы еще две небольшие книги о свободном времени [11]. Таким образом, в социологическом сообществе уже долгие годы неразрывно сосуществуют два представления о Грушине: как о философе и как о социологе – исследователе общественного мнения. Наиболее зримо эта отличительная черта творчества Грушина видна в трех его книгах, охватывающих двадцать лет после закрытия ИОМ «КП».

Методология исследований общественного мнения

Итогом направленной теоретической работы и обобщений результатов серии опросов стала двухтомная докторская диссертация «Проблемы методологии исследования общественного мнения», защищенная Грушиным в январе 1967 года. В 1969 году, после закрытия ИОМ Грушиным была подготовлена рукопись книги «Советское общество в опросах об-

щественного мнения». В течение последующего десятилетия она многократно дорабатывалась и предлагалась различным издательствам, но всеми была отвергнута. И все же сегодня у нас есть документ, достаточно полно характеризующий два процесса. Первый процесс – это развитие собственно грушинских подходов к природе общественного мнения и к методам его познания. Второй, становление исследований общественного мнения в СССР. Речь идет о книге Грушина «Мнения о мире и мир мнений», сделанной на базе его диссертации [12].

Можно говорить о существовании примерно вековой истории философско-политических, общеметодологических и теоретико-эмпирических исследований общественного мнения в дореволюционной России, в СССР и в новой России. Но эта история не изучена и не описана. Нет историографии, отсутствует систематическая библиография, нет хотя бы кратких биографических очерков об исследователях, разрабатывавших эту тематику. Одним из примеров, подтверждающих сказанное, является относительно недавнее «открытие» книги правоведа и социолога Вениамина Михайловича Хвостова (1868–1920) об общественном мнении и политических партиях, изданной в 1906 году [13].

А вот еще один недавно обнаруженный мною сюжет для исторических поисков. Оказывается, что классическое историко-политическое исследование лорда Джеймса Брайса (1838–1922), обосновавшее подготовленность Америки к регулярным опросам общественного мнения и ставшего теоретической базой деятельности Джорджа Гэллапа (1901–1984), было переведено на русский язык в конце 19 века, всего через три года после его выхода в Англии [14]. Книга осталась незамеченной даже после того, как в декабре в 1910 года Брайс стал член-корреспондентом Российской Императорской Академии Наук. По сути, не была она известна и советским ученым.

Проведенные мною много лет назад историко-методологические изыскания позволяют утверждать, что ИОМ «КП» и книга Грушина «Мнения о мире...» положили начало современному этапу изучения общественного мнения в СССР. Не буду уходить в далекое прошлое, обозначу лишь главные различия между тем, что писалось советскими философами и социологами в 1950-е – 1970-е годы по общественному мнению, и тем, что изложено в «Мнения о мире...».

Традиционно проблематика общественного мнения изучалась в рамках истматовских концепций общественного сознания с акцентом на классовую сущность природы массового отражения действительности. Само сознание трактовалось как производная бытия и не допускалось, что бытие может быть

проявлением сознания. Из этих утверждений, как правило, следовали тривиальные, крайне идеологизированные выводы о различии морфологии и функций общественного мнения при социализме и капитализме. В частности, утверждалось наличие практически абсолютной однородности общественного мнения в СССР: «...Оценки и суждения по кореным вопросам социально-политической жизни совпадают у всех трудящихся страны. Подобного быть не может в капиталистическом обществе, где классовая борьба проявляется и в столкновении мнений угнетаемых и угнетателей» [15, с.4]. Кроме того, во всех этих работах, даже в наиболее серьезных, вся проблематика анализа сводилось к стремлению описать общее строение общественного мнения, обозначить его фунции в социалистическом обществе и государстве, рассмотреть приемы, пути его формирования. Цитируя В.И. Ленина и директивные документы КПСС, отмечалось, что государство, Коммунистическая партия, властные структуры, руководители трудовых коллективов должны знать и учитывать в своей деятельности интересы и чаяния простого народа, трудящихся. Однако во всех этих работах практически ничего не говорилось о том, каким должно быть научное изучение общественного мнения. В частности, на протяжении многих лет опросы, приемы анкетирования трактовались прежде всего как буржуазные методы.

«Мнения о мире..» – это первая и долгие годы – единственная отечественная книга о том, как изучать общественное мнение. Значительный теоретико-методологический материал о морфологии и функционировании общественного мнения, изложенный в ней, при всей его важности и новизне не носит характера общефилософских построений. Это, скорее, расширенное методологическое введение, детальное объяснение того, что и почему надо изучать при измерении общественного мнения. Именно такова логика созданных Грушиным теоретических конструктов, такова его аргументация, включающая в себя анализ материалов опросов ИОМ «КП». Эта книга могла стать нормальным учебником по изучению общественного мнения, но она стала учебником лишь для немногих. Книга на несколько десятилетий опередила время; во второй половине 60-х власть не считала нужным готовить специалистов в этой области.

Два обстоятельства, касающихся содержания и пафоса «Мнения о мире..», выделим особо.

Во-первых, в этой книге Грушин конституировал место исследований общественного мнения в системе наук. Дискуссия о природе общественого мнения могла вестись и фактически велась в рамках философии, научного коммунизма, соци-

альной психологии, журнализма и ряда смежных научных направлений. В принципе, в недрах этих наук можно было пытаться искать и место исследованиям общественного мнения. Грушин вписал всю эту проблематику, начиная от ее теоретико-методологических пластов и кончая методико-инструментальной тематикой, в социологию. По сути, им были заложены основы социологии общественного мнения, и, что удивительно это кардинальное решение Грушина является одним из немногих, принятых научным сообществом без особых дебатов.

Во-вторых, безусловно, никто кроме профессионального логика, «поварившегося» в спорах диастанкуров, не мог написать книгу об общественном мнении так, как ее написал Грушин. Нередко по ходу чтения возникает ощущение, что объект анализа рассмотрен до конца, исчерпан. И вдруг на следующей странице обнаруживается, что до конца далеко, что объект делим далее и что еще существует множесто его граней, которые пребывали в тени.

Методология изучения массовой информации

Не остыв от перипетий, связанных с закрытием ИОМ, защитой докторской диссертации и завершением работы над «Мнения о мире..», Грушин начинает изучение новой темы. Сегодня ее точное название: «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» могут воспроизвести лишь очень немногие, но трудно представить профессиональных социологов, не читавших или ничего не слышавших о «Таганрогском проекте». Он известен в силу его целевых и содержательных параметров, его объема и арсенала использованных методов, его результатов и его судьбы.

В 1967 году все начиналось благополучно: Таганрогский проект инициировался знающими и прогрессивно мыслившими людьми, занимавшими высокие посты в отделе пропаганды ЦК КПСС. Фактически отдел возглавлялся Александром Николаевичем Яковлевым (р. 1923), историком-американистом и опытным партийным функционером. Через два десятка лет его назовут «архитектором перестройки» и «отцом гласности». Его заместителем был Георгий Лукич Смирнов (1922–1999), философ, разрабатывавший проблемы исторического материализма, позже работавший директором Института философии АН СССР и в конце 80-х избранный академиком АН СССР. Ближе всего к исследователям был консультант отдела Леон Аршакович Оников (1924–2000), о котором российские соци-

ологи первого поколения хранят наилучшие воспоминания. Время было непростым, и многое в том, что проект состоялся, определялось не только тем, что именно Оников делал, но нередко тем, чего он с риском для его карьеры не делал [16]. В начале нового столетия Грушин, удивляясь тому, что несмотря на крамольность – по тем временам – ряда теоретических посылок программы задуманного исследования, она получила полную легитимность. И главную причину этого он видит в неортодоксальности сознания и в гражданской смелости Г.Л. Смирнова и Л.А. Оникова

Включение Грушина в проект Отдела пропаганды ЦК КПСС было для него неожиданным, но работа по нему стала одной из важнейших вех в его деятельности. Конечно, оглядываясь в прошлое, можно сказать, что только ученый творческих масштабов и целеустремленности Грушина, такой же уверенности в правоте и необходимости своего дела, мог взвалить на себя, ввязаться в такой проект. Но история показывает, что это именно так.

Исследование продолжалось более семи лет, оно завершилось в 1974 году, и прошло еще шесть лет до выхода книги, представлявшей концепцию проекта и его методологию, краткое описание инструментария и теоретико-эмпирические выводы по ряду изучавшихся направлений [17]. В целом сделанное можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, была предложена теория среднего уровня, или модельное описание, основных механизмов функционирования средства массовой информации и формирования общественного мнения в среднем городе в стране с однопартийной системой, жесткой идеологией и плановой экономикой; страной – многие десятилетия манифестировавшей демократический характер своего развития, социальную направленность внутренней политики и миролюбивость, интернационализм в международных делах. Отличительными чертами этой модели являются: многомерность, или многопараметричность, телескопичность и многофункциональность. Многофункциональность модели открывает возможность, по крайней мере – потенциальную, для ее использования при решении большого числа теоретических проблем и прикладных задач. Телескопичность – позволяет сохранять основные структурные и функциональные свойства модели при анализе разного уровня информационных систем. Что касается многомерности, то она порождает стереоскопичность изображения предмета исследования.

Построение каркаса теории среднего уровня это, прежде всего, достижение Грушина-логика, диастанкура. Прямое, честное следование общефилософским, общесистемным или

кибернетическим прицинам логического конструирования сложных систем фактически налогало запрет на создание «слишком» простого описания массовых информационных процессов.

Но «чистый» философ, методолог мог бы остановиться на построении общей схемы, или знаковой модели, массовых информационных процессов. Для социолога, исследователя общественного мнения, журналиста – это было лишь началом. Следствием многомерности модели и фокусировки проекта на четырех принципиально различающихся объектах: органы власти и тексты власти, население и тексты населения (в действительности, с учетом всех уровней детализации программы, исследовалось свыше 250 объектов) – стала сложнейшая схема организации сбора данных и огромное количество методик.

Даже сухая статистика проекта, проведенного в Таганроге, и сейчас впечатляет своими масштабами: 76 связанных друг с другом и одновременно относительно самостоятельных исследований, 23 анкетных опроса, 17 опросов с применением интервью (почти 11 тысяч личных интервью), 18 исследований на базе контент-анализа. В проекте было 85 полевых документов общим объемом почти 60 печатных листов. Склоный к тщательному учету работы, Грушин подсчитал, что в текстах анкет и интервью, в схемах наблюдений, в контент-аналитических методиках было 2325 закрытых вопросов, 386 – полузакрытых, 783 – открытых. Таким образом, и это второе принципиальное значение Таганрогского проекта - исследование оказалось мощнейшей лабораторией и одновременно фабрикой конструирования социологического измерительного инструментария.

Кроме того, если говорить об СССР, то в проекте были заложены основы индустриальной технологии сбора социологической информации, которая, по сути, оказалась востребованной лишь через двадцать лет. Кроме того Таганрогский проект стал своеобразной школой, университетом по подготовке высоко профессиональных исследователей в области изучения общественного мнения и массовой информации. На материалах проекта в течение 1969–1979 годов была защищена 21 кандидатская диссертация по философии и филологии [1, Жизнь 2-я, часть 1, с. 41]. По оценке Грушина, общее количество выполненных под его руководством кандидатских исследований – не менее 30.

Третье, в рассматриваемой книге Грушиным и его сотрудниками приведено подробное социологическое описание информационной реальности первой половины эпохи Брежнева.

Тот факт, что прошло уже тридцать лет после завершения исследований в Таганроге, несколько затрудняет понимание содержания книги социологами входящих поколений, но одновременно «историчность» книги придает ей новое значение. Это документ, зафиксировавший исчезнувшую реальность, «Атлантиду». Нет той страны, в которой проводилось исследование, и нет того общества. Нет того главного автора (КПСС), ведущего издателя и всегомущего распространителя массовых информационых сообщений, который детерминировал и направлял развитие информационных процессов и формирование общественного мнения. Ушла в прошлое вся система идеологической работы в трудовых коллективах, в которой участвовали тысячи партийных, комсомольских и профсоюзных активистов, а также общественников. Прозошли кардинальные изменения в технологии деятельности и в содержании телевидения, радио и прессы, произошли серьезные изменения в их социальной функции. Само отношение людей к массовым текстам, сообщениям, стало иным. Но социологическая фотография прошлого будет крайне полезной всем будущим исследователям.

Морфология и феноменология массового сознания

Пытаясь одним словом определить первую из рассмотренных в этом параграфе книг Грушина – «Мнения о мире...», ее можно назвать «научной». «Массовая информация...» – это работа «техническая», или «технологическая». Третья книга «Массовое сознание» [18] – «поэтическая»; в том смысле, что поэзия – это философия, выраженная в особой художественой форме. Книга – в высшей степени научна и жестко конструктивна, но сквозь ее рационализм четко просвечивается эмоциональное и эстетическое отношение Грушина к теме. Оно обнаруживается и в цитировании поэтических строк и в авторском тексте. Книга, над которой Грушин работал 23 года, «потому что материал сопротивлялся» [7], и не могла быть рационально-холодной.

При написании этой статьи я несколько раз звонил Борису Андреевичу, чтобы уточнить ряд деталей. Когда я лишь сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу “Массовое сознание”». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «такая зелененькая», я еще раз подтвердил, что все в порядке. Для меня, знающего, сколько Грушиным написано, и насколько глубокого он погружен в его «четырехкнижие», эта его реакция была

неожиданной. Но теперь, думается, я могу полнее оценить значение этой «зелененькой» книжки и лучше понять истоки ее «поэтичности».

Далеко не каждому исследователю дано запомнить время и причину, когда и почему он обратился к анализу проблематики, занявшей ведущее место в его творчестве, а значит – в его жизни. Еще реже человеку удается удержать, сохранить в себе чувство удивления, пережитое им в момент обнаружения идеи, мимо которой он не мог пройти, ибо то был зов. Грушин обрек себя на трудное счастье: в тот единственный миг он оказался готовым к опознанию неизвестно откуда пришедшего – изнутри или извне? – сигнала и фиксации его в своем сознании. Вот как начинается его книга: «Я работал тогда над материалами опроса Института общественного мнения «Комсомольской правды», посвященного проблеме разводов в СССР. Просматривал – в какой уже раз – очередную кипу заполненных разными почерками анкет и вдруг обнаружил, что при оценке разводов в пяти из них воспроизводятся одни и те же языковые формулы. Причем не «в общем целом», а, что называется, «слово в слово»! На первый взгляд в этом факте не было ничего неожиданного: за годы работы в газете с ним не раз приходилось сталкиваться и мне, и многим другим сотрудникам редакции... Однако в тот мартовский день этот привычный, примелькавшийся и в общем-то банальный факт обернулся своей неожиданной озадачивающей стороной: как же так? каким образом пятеро столь различных людей – по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства – людей, которые конечно же никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (а именно, если говорить конкретно о предмете опроса: домостроевский) тип сознания?» [18, с. 19–20]. На следующей странице книги есть абзац, несущий в себе объяснение всего, что было сделано и делается сейчас Грушиным, и что выплеснулось в его молниеносной реакции в приведеном выше нашем телефонном разговоре. Абзац начинается со слов: «С тех пор я занимался практически только этой проблемой...».

Через треть века после начала продумывания Таганрогского проекта Грушин вспоминает (всюду выделения Б.А.Грушина): «занятый в те годы разработкой основ теории массового сознания, руководитель проекта ставил перед исследованием еще одну задачу – на обещавшем быть гигантским по объему эмпирическом материале доказать **факт существования** в тогдашнем советском обществе **этого типа общественного сознания** и по возможности продвигаться в понимании его социальной природы, механизмов его формирования и функ-

ционирования, а также его роли в жизни общества». Это было сверхзадачей проекта, но «вся обширная проблематика, связанная с собственно массовым сознание, оказалась не только не востребованной, но пракически **полностью табуированной** и за малыми исключениями, по *идеологическим* (а не в узком смысле цензурным!) соображениям вовсе выпала из итоговых текстов проекта» [Четыре жизни России... Жизнь 2-я, часть 1, с. 4–45].

Книга «Массовое сознание» – это первая работа, целиком посвященная анализу сущности этого феномена, посему в ней приводится и широкий историко-политический анализ темы, и ее философские корни, и собственно предлагаемая автором концепция содержания и функционирования массового сознания. В нашу задачу не входит всестороннее обсуждение этой книги; сейчас нам представляется целесообразным сконцентрировать внимание лишь на трактовке Грушиным природы общественного мнения и на его движении к этой трактовке. Грушин не объявлял в качестве самостоятельной цели своего исследования углубление, поиск каких-либо нюансов, новых атрибутов в данной им ранее дефиниции общественного мнения, но объективно именно это стало одним из финальных итогов его работы. Речь идет, естетственно, не о хронологии концептуальных поисков Грушина, но о логике развития его теоретических построений.

В «Мнения о мире..» Грушин определил общественное мнение «как *сознание масс*, *массовое сознание*, или если угодно, как *состояние массового сознания»* и далее следовало уточнение: общественное мнение это «общественное сознание со сломанными внутри него перегородками». В целом это определение было расширительным, ибо отождествляло общественное мнение и массовое сознание и описательным, точнее – иллюстративным. После того, как внутри общественного сознания мысленно удавалось сломать перегородки, в «руинах» трудно было увидеть общественное мнение.

Изучая литературу тех лет, легко заметить, что одними это определение критиковалось, другими – игнорировалось, но то были преимущественно социальные исследователи, далекие от собственно измерения общественного мнения. Для тех немногих, кто занимался теоретико-эмпирическими исследованиями, определение Грушина было ценным своей конструктивностью, ибо приведенное описательное определение дополнялось набором функций общественного мнения, критериями, на основании которых можно было говорить об объекте общественного мнения, и признаками субъекта общественного мнения. По сути, становилась ясной последовательность ло-

гических и инструментальных операций, необходимых для измерения общественного мнения.

Мощнейшим фактором поддержки, или глубокой валидизацией этого определения были теоретико-эмпирические результаты Грушина. Он первым среди советских социологов доказал теоретически и проиллюстрировал на материалах опросов многослойность общественного мнения как культурного феномена. Было показано, что многоаспектностью и многокачественностью, или «сложностью», обладала та модификация общественного мнения, которая исторически сложилась и функционировала в СССР к началу 1960-х годов. Хотя это противоречило принципиальным политико-идеологическим утверждениями того времени, но, согласно опросам ИОМ, в общественном мнении были перемешаны отголоски многих форм, видов, типов социальной рефлексии по поводу разных аспектов действительности. Получалось, что уже в первой половине 60-х советское общественное мнение не было одномерным, стабильным, гомогенным, одноцветным, гармоничным и т.д.

Также из грушинского определения общественного мнения вытекала абсурдность допущения о логической, а значит, и технологической простоте его изучения. Потому вопрос о технологии исследования общественного мнения превращался из чисто инструментального, вспомогательного в методолого-инструментальный и, следовательно, в сущностный.

Вскоре Грушиным была обнаружена ошибочность отождествления общественного мнения и массового сознания, и он достроил, уточнил предложенную им дефиницию. Это удалось сделать в опоре на весьма продуктивную концепцию множественности массового сознания, существующего, действующего в том или ином обществе. При такой интерпретации массового сознания общественному мнению была отведена более узкая, специфическая сфера «моментально» меняющегося массового сознания, проявляющегося в его отношении к отдельным, «точечным» объектам действительности. Зондажи, опросы общественного мнения ловят, фиксируют эти краткосрочные точки сгущения массового сознания [18, с. 248–260].

In pivo veritas

Хотя в заголовке этого раздела статьи указаны три книги Грушина, нельзя ничего не сказать еще об одной его работе – «In pivo veritas», в которой он проявил себя одновременнно и как исследователь массового сознания, и как истинный лю-

битель и уникальный знаток пива и пивной культуры [19]. Живя несколько лет в Праге, Грушин сделал карту города, на которую нанес все пивные. Отсутствие места не позволяет передать содержание и красочность его рассказов о поиске пивных, о том, как он их посещал и по какой методике изучал. В целях реализации своего замысла, Грушин специально выучил чешский язык.

Все задуманное было с честью выполнено. Грушин посетил свыше семисот пивных, испробывал огромное число различных сортов пива, с успехом участвовал в соревнованиях, выявляших тех, кто больше выпьет, и собрал богатейшую коллекцию сентенций, афоризмов, высказываний о пиве. Книга – это уникальная работа по классификации фольклорных текстов и гимн пиву.

ВЦИОМ и VP

Первой организационной «единицей», созданной Грушиным для изучения общественного мнения был ИМО «КП». В 1969 году, через два года после закрытия ИМО, им был организован Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Несколько месяцев предложения Грушина о создании Центра не рассматривались руководящими инстанциями, и все решил в сущности единолично академик Алексей Матвеевич Румянцев (1905–1993), возглавлявший ИКСИ и одновременно бывший вице-президентом АН СССР. Центр просуществовал до 1972 года, и весь процесс его рождения и жизни Грушин назвал «медленным взлетом и стремительным падением».

Теоретические исследования Центра группировались вокруг «Таганрогского проекта, начатого в краткий период работы Грушина в Институте философии АН СССР. Вместе с тем впервые в СССР Центр взялся за проектирование и создание организационной структуры для проведения оперативных опросов общественного мнения по различным проблемам. Ставилась задача не только зондирования мнений населения страны, но также жителей отдельных регионов.

В начале 1970 года Центр разослал более сотни Информационых писем в министерства, ведомства, научные институты, творческие и общественные организации, редакции газет и так далее с предложением о сотрудничестве. В частности выяснялась готовность этих организаций оплатить проведение опросов по интерерсующей их проблематике. Пришло более 40 писем,

содержавших заявки на 102 исследования; в половине заявок выражалось согласие на полную или частичную оплату работ. Оказывается, три десятилетия назад в СССР существовал латентный заказ на изучение общественного мнения, и в принципе могли быть найдены способы финансирования опросов.

К важнейшим методическим достижениям Центра относится создание первых всесоюзных выборок населения; это был сделано Сергеем Валериановичем Чесноковым (р. 1943). Двухступенчатые районированные выборки, охватывали 27 регионов страны, все типы поселений и репрезентировали население по полу, возрасту, образованию и социально-профессиональному положению. В опоре на эту общую модель можно было строить выборки различного объема.

Весной 1971 года Центром был проведен первый всесоюзный репрезентативный опрос с выборкой в 2000 человек. Однако, пишет Грушин: «закрепить и умножить достигнутый успех ЦИОМ не удалось». Были финансовые, кадровые и организационные трудности, «но главное, конечно, – из-за принципиального, резкого ухудшения макро- и микроусловий... для такого рода занятий» [1, Жизнь 2-ая, часть 1, с. 38].

ИОМ создавался редакцией «КП» на свой страх и риск, но западные специалисты, да и некоторые люди в СССР рассматривали его как детище ЦК КПСС или даже КГБ. Через несколько месяцев после открытия Института Грушин сумел дойти до всемогущего в те годы Секретаря ЦК КПСС по идеологии Леонида Федоровича Ильичева (1906–1990) и объяснить ему необходимость создания государственного Института общественного мнения. Ничего из этого не вышло. В середине 60-х Грушин пытался создать службу изучения общественного мнения при газете «Правда», но здесь ничего и не могло получиться: главный идеолог брежневской эпохи Михаил Андреевич Суслов (1902 – 1982) однозначно видел в проведении опросов лишь вредное влияние Запада: «Не нужное нам это дело! Пусть они там, у себя этим занимаются».

Несколько лет назад, в моей первой попытке охарактеризовать траекторию становление исследований общественного мнения в СССР-России, я ввел понятие «линии Грушина» как стержня, магистрали, задающей принципиальные особенности зарождения и развития этого политического и аналитического процесса [20]. Конечно же, «линия» – это образ, совсем не то, что определяется этим термином в геометрии, тем не менее, оправданно говорить о «точках», образующих эту «линию».

Первая точка – ИОМ «КП», вторая, лежащая близко к ней, это ЦИОМ ИКСИ. На значительном удалении от них

расположена третья точка – это Всесоюзный центр изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам, известный миллионам россиян и специалистам всего мира как ВЦИОМ. День рождения ВЦИОМ – 7 декабря 1987 года.

Пришло время, когда, наконец, был услышан голос Грушина о том, что надо прислушиваться к «гласу» народа. В апреле 1987 года было принято политическое решение ЦК КПСС и Совмина СССР об организации ВЦИОМ, а через несколько месяцев он был создан в рамках тогдашних ВЦСПС и Госкомтруда СССР. По предложению Грушина и его настойчивым рекомендациям первым директором ВЦИОМ стала академик Татьяна Ивановна Заславская (р. 1927) – один из «прорабов перестройки», имевшая огромный научный и моральный авторитет не только среди обществоведов, но и в среде интеллигенции страны в целом.

И рождение ВЦИОМ, и формирование технологии его деятельности во многом определяются личной ролью и исследовательским багажом Грушина. Через десять лет после открытия ВЦИОМ Т. Заславская отметила, что у нее не было собственного опыта изучения общественного мнения – сфера ее научных интересов охватывала, прежде всего, экономическую социологию и социологию села. Потому, когда ей предложили организовать первую в стране специализированную систему по измерению общественного мнения, она согласилась на это, «но при обязательном условии – чтобы заместителем был Борис Грушин». Он проработал во ВЦИОМе недолго, всего два года, но, по словам Т. Заславской, «сделал очень многое, он действительно в основном поставил работу по изучению общественного мнения» [21, с. 9].

Теоретические и инструментальные разработки Грушина и его многолетний опыт организации опросов общественного мнения, ряд общих социально-политических обстоятельств позволили ВЦИОМ сразу стать флагманом исследований общественного мнения в СССР. Можно утверждать, что преобладающая часть профессионально работающих в России аналитических структур по изучению общественного мнения и исследованиям рынка являются или «дочерними» организациями ВЦИОМ, или просто активно используют его методологический и методический опыт.

Многие годы организацию возглавлял Юрий Александрович Левада, взгляды которого на роль общественного мнения в стране во многом совпадали с пониманием Грушина. Их жизненные траектории пересеклись более полувека назад. Левада, закончивший философский факультет МГУ в 1952

году, не принадлежал к Московскому логическому кружку, но был в добрых отношениях с диастанкурами. Много позже он сказал в одном из интервью: «Я в этом кругу не состоял, хотя с его участниками был хорошо и по-доброму знаком. Это было очень интересное явление, о нем по праву говорят как о самом интересном философском явлении советского времени» [22].

В конце 60-х в Академии общественных наук при ЦК КПСС рассматривалась ситуация в советской социологии. Резкой критике, проще – разносу была подвергнута книга Левады по методологии социологических исследований. Обвинения носили идеологический характер. В обсуждении выступил Грушин, поддержавший Леваду и сказавший: «Время покажет, кто стоял на пути развития советской социологии, а кто лежал, причем не вдоль, а поперек». В отношении сидевших в президиуме, он добавил: «Мертвые хватают живых». Как отмечает Грушин, вскоре появилось мнение: «Грушин хуже Левады». Автором этого утверждения был Федор Васильевич Константинов (1901–1991), философ-академик и крупный партийный функционер [8, с. 214].

Организация, созданная полтора десятилетия назад Грушиным и Заславской, и сейчас занимает лидирующее положение в изучении российского общественного мнения. Но «эхо» событий, на протяжении многих лет делавших невозможным создание общенациональной системы изучения общественного мнения в доперестроечные годы, отозвалось в начале осени 2003 года. Тогда ВЦИОМ был поставлен перед необходимостью сменить свое историческое имя. Благодаря усилиям Левады, его безупречному научному авторитету и четкой гражданской позиции, в процессе очень непростых преобразований ему удалось сохранить полностью аналитическую команду ВЦИОМ и сеть по сбору данных: теперь эта организация называется «Левада-Центром».

Оставив позицию заместителя директора ВЦИОМ в 1989, Грушин тогда же создал первую в стране частную независимую службу изучения общественного мнения «Vox Populi» («VP); это – четвертая точка на «линии Грушина». Под руководством Грушина эта организация просуществовала десять лет и ею было выполнено множество социально-политических исследований. Наиболее известным проектом был ежемесячный экспертный опрос «100 наиболее влиятельных (ведущих) политиков России», проводившихся для «Независимой газеты». Итоги опроса регулярно публиковались на страницах газеты и имели значительное политическое влияние.

Параллели и перпендикуляры

«Линия Грушина» – это не только траектория, обозначенная важными вехами деятельности Грушина; «линия» задает его судьбу и задается его судьбой. Продолжая эту «геометрическую» терминологию, хотелось бы сопоставить вклад Грушина в изучение общественного мнения с тем, что делалось Джорджем Гэллапом и другими отцами американских опросов общественного мнения: Арчибальдом Кроссли (1896–1985) и Элмо Роупером (1900–1971). «Параллели», это то, что роднит, объединяет, сближает творческие биографии Грушина и американских пионеров изучения общественного мнения, наоборот, «перпердикуляры» – нечто, кардинально нестыкуемое в генезисе их деятельности и в самой деятельности.

Для подобного сравнительного анализа есть объективные и субъективные обстоятельства. Проводимое мною уже ряд лет исследование процессов возникновения практики опросов и опросной технологии в Америке позволило подойти к формулированию некоторых историко-науковедческих закономерностей, и сопоставительное изучение (Америка и СССР) – можно трактовать как движение к определению меры универсальности наших выводов. Говоря о субъективном аспекте темы, имеется в виду используемое журналистами сравнение: «Грушин – это русский Гэллап».

В текстах Грушина не раз упоминается дружеское двустишие известного историка философии и поэта Эриха Юрьевича Соловьева (р. 1934), написавшего в начале 60-х о первых грушинских опросах: он «занимался серьезно вполне / общественным мненьем в безгласной стране». Вообще говоря, аналогично, можно было бы удивиться и тому, что люди занимались философией в стране, где не было философии, но высказанное Соловьевым интересно нам в ином отношении. И Грушин, и журналисты, цитирующие это двустишие, обычно и не без оснований акцентируют смысл второй строки, хотя опросы Грушина в 60-х годах, и в частности его же современный углубленный анализ собранных тогда материалов показывают, что более четырех десятилетий назад в СССР все же существовали элементы общественного мнения. Страна не была совсем безгласной.

Но первая строка Соловьева совсем не комментируется, принимается как данность, как факт. В действительности же, опросов в СССР, думается, не должно было быть «по определению», они противоречили существовавшей политической, экономической и социокультурной среде, для них не было

исторических предпосылок. Безусловно, прав Левада, в конце прошлого века сказав о сделанном Грушиным: «Эту отрасль науки он выдумал, придумал – создал собственными руками, своей головой, собственным энузиазмом» [23]. Точнее трудно сказать.

В Америке середины 30-х задача проведения выборочных опросов общественного мнения, что называется, висела в воздухе. Не случайно в 1936 году одновременнно три опытнейших исследователя рынка Гэллап, Кросли и Роупер успешно зондировали электоральные установки и верно предсказали переизбрание Ф. Рузвельта на второй срок. Их опросы, открывая эру современных технологий изучения общественного мнения и создавая новую политическую культуры в стране, вместе с тем завершили длительный, более чем столетний этап проведения в Америке соломенных электоральных опросов. К тому же, эти аналитики опирались на, в значительной степени созданный и ими самими, богатый опыт изучения потребительских установок, эффективности рекламы и поведения радиоаудитории. Указанный опыт включал в себя построение репрезентативных общенациональных выборок, конструирование измерительных шкал, подготовку интервьюеров, организацию полевых исследований.

Еще более существенным представляется то, что и новые для 30-х годов выборочные опросы общественного мнения, и все ненаучные методы сбора информации о сознании и поведении электората и потребителя, которые использовались в Америке, начиная со второй половины 19 века, были прямым следствием, продолжением политической и экономической системы страны. Государству, обществу, населению, отдельным социальным структурам практически всегда, с момента зарождения американской политико-экономической системы, необходимо было знать интересы и установки потребителей, учитывать электоральные намерения избирателей. В конце 19 века Д. Брайс на основе его многокритериального историко-политического анализа показал, что система власти в Америке и население готовы к проведению референдумов. Лишь незнание выборочных методов не позволило ему говорить об опросах общественного мнения.

Ничего из выше сказанного в принципе не было ни в российской дореволюционной истории, ни после. В СССР вместо выборов – голосование, вместо свободного экономического рынка – централизованная система экономики. Правительство страны и КПСС утверждали, что они все знали о населении, формировали в необходимом направлении его потребности и интересы, думали о его настоящем и будущем и т.д.

Американская и советская системы, если иметь в виду их базис и основополагающие надстроечные конструкции, были оппозиционны, или «перпендикулярны» друг другу. В свете сказаного в СССР не могли появиться опросы общественного мнения. Наоборот, естественными были запретительные реакции Ильичева, Константинова и Суслова, их слова и деятельность отвечали геометрии и физике советского политического пространства. Такое поведение было нормальным, спасительным для системы, оно охраняло ее от распада.

Опросы Грушина возникли вопреки логике социального устройства советского общества, и этот факт можно объяснить лишь некоей социальной мутацией, мощным сбоем внутри социополитической системы страны, неожиданным, противоестественным скачком с разрешенной законами социума траектории движения на закрытую орбиту. В биологии подобные революционые мутации объясняются воздействием мощных флуктуаций в радиационной, магнитной, тепловой и в прочих средах обитания биологического организма. Они провоцируют нарушение сложившегося генного механизма и порождают новые генотипические и фенотипические структуры, образы.

Что сыграло роль политических «флуктуаций», нарушивших баланс существовавшей в послевоенном советском обществе социальной среды и породивших возникновение опросов общественного мнения? Вопрос непростой, и ответ на него требует специального исторического изучения, но в любом случае к таким «флуктуациям» относится Постановление ЦК ВКП(б) от 3 декабря 1946 г. «О преподавании логики и психологии в средней школе» и в частности указанная выше ночная встреча Сталина с московской профессурой.

В той встрече многое кажется сегодня непонятным. В частности, интерес Сталина к работе Георгия Ивановича Челпанова (1862–1936), выдающегося русского психолога, создателя и первого директора первого в России Психологического института в Москве. Дело в том, что Челпанов – был одним из университетских профессоров, которого не удалось «поставить на рельсы марксизма». Учебник по логике, привлекший внимание Сталина, был издан в 1917 году [24] и является единственной книгой Челпанова, переиздаваемой и в наше время.

Распоряжения вождя исполнялись мгновенно. В начале 1947 года Министерство просвещения провело в городе Химки под Москвой полугодичные курсы по подготовке вузовских преподавателей логики, и в том же году были созданы кафедры логики на философских факультетах Московского и Ленинградского университетов.

Образование Московского логического кружка – это тоже из разряда флуктуаций. Прежде всего, появление диастанкуров надо рассматривать как возникновение, проявление одной из маловероятных – почти невероятных – редких форм (мутаций) социкультурной рефлексии событий, происходивших в СССР в первые послевоенные годы, и уже затем как прямое следствие начинавшегося изменения в подготовке советских философов. Другими словами, историчность появления диастанкуров – что стало первым шагом на пути к возникновению опросов в СССР в 1960-е годы – видится нам в случайности, которая могла проявиться на рубеже 40-х – 50-х, и которая реализовалась.

Конечно, приведенное объяснение парадоксально, но эта алогичность созидательна, и потому в принципе объяснение такого рода не является уникальным в истории науки, более широко – в истории изобретений. Мы же приводим такое объяснение еще и потому, что оно содержится в воспоминаниях Мамардашвили о возникновении Московского логического кружка. Отправным для Мамардашвили (он говорил это в 1990 году) было признание существования пропасти в развитии культуры страны, имелось в виду «1917 год и все, что за ним последовало». Признавая отсутствие прошлого, он одновременнно отмечал бессмысленность ностальгирования и попыток восстановить прошлое: «Ну, нет его и быть не может, это все исчезло физически». И далее, он говорил, что новое может возникнуть, произрасти лишь в «человеческом материале, какой есть». Так, по мнению, Мамардашвили и появились диастанкуры: «Что, Зиновьев из Бердяева, что ли вырос? Да ничего подобного — из полупьяного лейтенанта Советской Армии. И Грушин… из обыкновенного, банального комсомольского активиста…». Да и сам Грушин отвечая пару лет назад на вопрос журналистки О.Кучкиной: «Я помню тебя молодым безумцем с горящими глазами – сейчас ты седой безумец, а огонь в глазах прежний. Я говорю: безумец – с восхищением перед бешеной энергией и глубоким погружением в свое дело. Как ты настроился на эту дорогу и по ней прошел – для меня феномен человеческий. Попробуй, объясни его», ответил: «Трудно, хотя я постоянно думаю об этом сам. Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом».

В целом, ничего в явном виде не подталкивало Грушина к проведению опросов общественного мнения в годы его обучения в МГУ: ни дискуссии диастанкуров, ни лекции по истории и философии, ни сама окружавшая его реальность. Импульсом к изучению общественного мнения стала его журналистская

практика. В одной из наших телефонных бесед на мой вопрос о том, как же все началось, он сказал, что газета искала новые формы работы, был придуман социально-экономический очерк, нашли семью рабочего Андрианова и рассказали о ее жизни на целом развороте, проводили дискуссии; и в этом бульоне возникла идея опросов.

Итак, рождение опросов в СССР в 1960 году стало следствием двух равновесомых обстоятельств. Первое, одна из ведущих и либеральных по тем временам газет смогла разглядеть в опросах – сначала, читателей, потом – населения в страны – новую форму общения с аудиторией, выявления ее отношения к происходившим в стране и мире событиям. Второе обстоятельство: в редакции газеты оказался человек, никогда ранее не проводивший опросы, но в личностном и профессиональном отношениях оказавшийся готовым к подобной деятельности. Важно не то, кто первым высказал ту новую, неожиданную, малопонятную, еретическую идею, а то, что она возникла в пересечении интересов газеты и профессонального ученого, субъективно и объективно подготовленного к проведению опросов. Глубокое знание Грушиным научной методологии, понимание им общих механизмов функционирования общества, многолетние теоретические междисциплинарные изыскания, владение математикой, знание основ психологии – оказались прекрасной базой для начала его новой деятельности.

Работая в «Комсомольской правде» и освоив многое в журналистике, Грушин оставался аналитиком, исследователем. В. Чикин был соавтором программ и полевых документов около десяти первых опросов ИОМ, руководил полевыми работами, активно участвовал в обработке информации, вместе с Грушиным опубликовал несколько первых в стране книг по материалам опросов, но это все осталось лишь фактом его журналистской биографии. У него не возникло ни интереса к природе общественного мнения, ни отчетливого понимания научных опросов как инструмента журналистики. Наоборот, Грушин, открыв в опросах «Комсомольской правды» возможность заглянуть в общественное мнение, оставил практическую журналистику и сделал познание массового сознания и общественного мнения своей профессией, судьбой. Было много событий в его жизни, когда он мог отойти от разработки этой тематики, внешние обстоятельства не раз подталкивали его к этому, но что-то внутренне не позволило ему так поступить.

Одна из интересных «параллелей» обнаруживается при сопоставлении некоторых сторон деятельности, настроя редак-

ционной команды и даже биографий лидеров «Комсомольской правды» и американского журнала *Fortune*, сыгравших ключевую роль в возникновения опросов общественного мнения в своих странах.

Fortune был создан в 1930 году Хенри Люсом (Henry Robinson Luce, 1989–1967), по воспоминаниям знавших его людей и оценкам американских политологов и культурологов, гениальным журналистом. Одна из ведущих ролей в приобретении *Fortune* всеамериканской популярности принадлежала Ралфу Ингерсолу (Ralph Mcallister Ingersoll 1900–1969), журналисту, писателю, издателю и выдающемуся редактору. Социально-экономические воззрения Ингерсола характеризовались не просто либерализмом, но и приверженностью к социализму. В конце 1930-х около года он примыкал к одной из организаций американской коммунистической партии. Многое в политике *Fortune* определялось Арчибальдом МакЛейшем (Archibald MacLeish, 1892–1982), сильной личностью, получившей юридическое образование в Йеле и Гарварде. В 1920-х он жил в Париже, примкнув к группе молодых американских писателей и поэтов. В 1932 году МакЛейш получил первую Пулитцеровскую премию за поэму «Конкистодор», а в 50-х годах – еще две. В 1939–1944 годах он был Главным библиотекарем Библиотеки Конгресса, иногда его называли рузвельтовским министром культуры.

Представляется, что по видению и понимаю социальной проблематики своих стран, по их роли в развитии журналистики, по общей энергетике Люс и Аджубей были профессионалами и личностями сопоставимого масштаба. Аналогично, высокая «параллельность» траекторий жизней обнаруживается при анализе литературных интересов, характера государственной и общественной деятельности Ингерсола и МакЛейша, с одной стороны, и Воронова, Панкина и Чикина, с другой. Речь может идти и об общности поколенческого опыта редакций двух изданий. Американцы в ранней юности пережили Первую мировую войну и несколько позже – Великую депрессию, команда «Комсомолки» – Вторую мировую.

В 1935 году в процессе дружеского общения Ингерсола с Ричардсоном Вудом (Richardson King Wood, 1903–1976), журналистом, сотрудничавшим с *Fortune*, и одним из совладельцев компании по исследованию рынка *Cherington, Roper and Wood,* возникла идея создания аналитической службы *Fortune*. Исходно ее основное назначение заключалось в изучении рынка, но вскоре службе было поручено проведение опросов общественного мнения. Возглавил службу Роупер. Публикации результатов первого опроса – июль 1935 года –

была предпослана большая редакционная статья озаглавленная «Новая техника журнализма». Это произошло ровно за четверть столетия до рождения ИОМ «КП».

Опросы общественного мнения Кроссли также возникли при финансовой поддержке прессы. К середине 30-х он был признанным лидером в изучении американской радиоаудитрии, и херстовский прессовый концерн *King Features Syndicate* обратился к нему с предложением об изучении электоральных установок.

Роупер и Кроссли приобрели журналистский опыт в процессе проведения опросов общественного мнения и сотрудничества с газетами и радио. Гэллап – на протяжении всей его жизни теснейшим образом был связан с журналистикой: в школе и в университете, в его первых, еще студенческих опросах и в его преподавательской деятельности. В докторском исследовании по психологии он разработал метод опроса для изучения читательских интересов, первый по-настоящему крупный научный успех пришел к нему, благодаря исследованию, в котором были заинтересованы редакторы ряда ведущих американских журналов. Задуманная им система общенациональных опросов общественного мнения финансировалась крупным газетным синдикатом, среди его многолетних друзей были люди, представлявшие элиту журналистского мира. Его колонки с результатами опросов публиковались в сотнях газет, опросы – изменили журналистику, в первую очередь – политическую.

Сказанное доказывает, что, несмотря на кардинальные различия в американской и советской политической и социально-экономической системах, в обех странах опросы общественного мнения возникли в сотрудничестве прессы и социальной науки (изучение рынка – одна из них) при финансировании прессой.

Существует, точнее сказать, недолго просуществовала еще одна принципиальная «пареллельность» в советской и американской историях опросов. ИОМ «КП» лишь условно можно было назвать институтом. По сути руководители газеты и Грушин нашли ту же форму организации системы опросов, которая была введена *Fortune* и которая стала распространенной в Америке в начале 40-х. Эта форма называется – полл (*poll*). При такой системе организации опросы проводятся от имени создавшего их средства массовой информации (СМИ), а результаты обычно являются собственностью этих информационных источников. Исследователи свободны во многих составляющих своей деятельности, но общая направленность тематики опросов и содержание многих из них определяются интересами соответствующих СМИ.

Первый полл «Комсомольской правды», скорее всего, оказался и последним в СССР и России. Никто не последовал примеру «Комсомолки». В постперестроечные годы возникли общенациональные и региональные центры изучения общественого мнения, однако по своим организационно-финансовым признакам они не являются поллами. СМИ регулярно распространяют результаты опросов, иногда по их заказам проводятся направленные зондажи мнений, но все это далеко от поллов, от той модели, которая была опробована ИОМ «КП» более сорока лет назад. Полл – это одна из функций СМИ, которая в России ими еще не освоена.

Было бы ошибочным утверждать, что деятельность Гэллапа, Кроссли и Роупера протекала исключительно в дружественной среде. Им приходилось многие годы доказывать необходимость изучения мнений населения, отстаивать свои позиции в Конгрессе, отвечать на злые и несправедливые публикации в прессе, доказывать свою независимость и так далее. Вместе с тем морально-политическая атмосфера в американском обществе была в целом благоприятной для изучения общественного мнения, и потому технология измерения мнений быстро совершенствовалась, а результаты опросов уже в начале сороковых стали одним из важных источников информации для президентов страны и политиков всех уровней.

Методы Гэллапа, Кроссли и Роупера были отрицанием соломенных опросов. При разработке вопросов интервью они опирались не только на приемы измерения установок, использовавшиеся в маркетинговых исследованиях, но и на огромный опыт психологических исследований личности. Уже в середине 30-х годов обработка информации проводилась с помощью счетно-перфорационных машин.

Грушин все начинал с нуля. Первые опросы ИОМ «КП», если иметь в виду их выборку, были соломенными, использованные приемы выборки качественно отличались от тех, что в 60-е годы использовались в Америке. Вопросы, задававшиеся респондентам, более напоминали журналистские интервью, чем социологические. Обработка осуществлялась вручную. Фактически индивидуальный сорокалетний опыт Грушина – от ИОМ «КП» до VP – вместил в себя все то, что в американской истории опросов сменяло друг друга с начала 20 века. Но все это было пройдено им очень быстро. Отчасти потому, что уже начав свои опросы, он глубоко изучил опыт собственно гэллаповских опросов и их европейских модификаций.

Грушина и Гэллапа – лично они никогда не встречались – сближает то, что каждый стремился сделать все возможное

для проникновения опросов общественного мнения в политическую, социальную, культурную ткань общества.

Гэллап проводил опросы в течение полувека и постоянно задумывался о природе общественного мнения, но к трактовке возникавших теоретических проблем он подходил как психолог, аналитик политических процессов и как журналист. Это было обусловлено его образованием, традициями, восходившими в частности к Брайсу и Уолтеру Липпману (Walter Lippmann, 1989–1974), а также более общими особенностями развития американской науки. Исторически так сложилось, что мышление, в частности его массовые формы, изучалось и продолжает изучаться в Америке, прежде всего, психологами и антропологами.

Грушин – первый философ, логик, обратившийся к исследованию общественного мнения в опоре на результаты собственных опросов. Потому очень скоро в его анализе он отошел от собственно задач журналистики, в целом – описательных, фокус его научной деятельности сместился к изучению природы общественного мнения, механизмов его возникновения и функционирования, а сама деятельность приобрела социологическую направленность. Опросы общественного мнения, сохранившие свое прикладное значение, одновременно превратились для него в лабораторию исследования массового сознания. И потому, творчество и результаты Грушина следует соотносить не только с тем, что делалось и сделано Гэллапом, но и с научным наследием Пауля Лазарсфельда (Paul Lazarsfeld, 1901–1976), Самуэля Стауффера (Samuel Stouffer, 1900–1960) и нашего современника Ирвинга Креспи (Irving Crespi, 1926–2004).

Гэллап, нам приходилось писать об этом, создал опиниометрику и ввел опросы общественного мнения в американскую и мировую политику. Грушин ввел опросы общественного мнения в политическую культуру СССР, России и сделал изучение общественного мнения предметом и объектом социологического познания.

* * *

При работе над статьей я постоянно обращался к первым публикациям нового грандиозного проекта Грушина «Четыре жизни России», в котором автором задумано рассмотреть массовое сознание россиян во времена Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Об этой работе Грушина уже написано немало, и мне тоже есть что сказать. Но я воздержусь, дождусь завершения проекта. Тогда же напишу о Наталии Георгиевне Карцевой, жене Бориса Андреевича; словами признания в любви к которой начинается первый том этой эпопеи.

16 лет назад на XIX Всесоюзной конференции КПСС с критикой горбачевского руководства выступил Борис Ельцин. Ответил ему Егор Лигачев, и тогда родилась фраза, ставшая безумно популярной в те годы: «Борис, ты не прав!»

Некоторое время после случившегося Борис Андреевич Грушин носил на груди большой жетон. На нем были написаны слова, которыми хотелось бы завершить статью: «Борис, ты прав!».

Литература

1. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я «Эпоха Хрущева». Москва: Прогресс-Традиция. 2001; Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева» Часть 1. Москва: Прогресс-Традиция. 2003.
2. *Ладенко И.О.* Становление и развитие идей генетической логики // Вопросы методологии. 1991. №3.
3. *Сенокосов Ю.П.* Мераб Мамардашвили (1930–1990) <http://www.mamardashvili.ru/index.php?biography.htm>.
4. *Грушин Б.А.:* «Мы все время вели войны за свой предмет». RELGA, 2004, 11 мая http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-<www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles>.
5. Начало всегда исторично, то есть случайно. (Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 года) // Вопросы методологии. 1991. №1.
6. *Грушин Б.А.* Очерки логики исторического исследования. Москва: Высшая школа, 1961.
7. *Кучкина О.* В России кипит неслыханный бульон. Комсомольская правда, 2001, 15 февраля.
8. *Грушин Б.А.* Горький вкус невостребованности. В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 1999.
9. *Капелюш Я.* Общественное мнение о выборности на производстве. Москва: Институт конкретных социальных исследований АН СССР. 1969.
10. *Грушин Б., Чикин В.* Во имя счестья человеческого. Москва; «Правда, 1960. Грушин Б., Чикин В. Лицо поколения. Москва: Правда, 1961; Грушин Б., Чикин В. Исповедь поколения. Москва: Молодая гвардия. 1962.
11. *Грушин Б.* Свободное время. Величина. Структура. Проблемы. Перспективы. Москва: Правда, 1966; Грушин Б. Свободное время. Актуальные проблемы. Москва: Мысль. 1966.
12. *Грушин Б.А.* Мнения о мире и мир мнений. Москва: Изд-во политической литературы. 1967.
13. *Хвостов В.М.* Общественное мнение и политические партии. Москва, Изд-во И.Д.Сытина. 1906.
14. *Брайс Д.* Американская республика: в 3-х частях / Пер. с англ. В.Н.Неведомского. Москва: Изд-во К.Т.Солдатенкова, 1889. Ч.1. Национальное правительство; Ч.2. Правительства Штатов. Поли-

тические партии. 1890; Ч.3. Общественное мнение. Объяснительные примеры и замечания. Строй общественной жизни. 1890.
15. *Игитханян М.Х.* Сила общественного мнения. Москва: 1962.
16. *Оников Л.А.* «Я выполнял свой человеческий и партийный долг». В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. Санкт- Петербург: Институт социологии РАН, Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 1999, с. 229–235.
17. Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А.Оникова. Москва: Изд-во политической литературы. 1980.
18. *Грушин Б.А.* Массовое сознание. Москва: Политиздат. 1987.
19. *Grušin B.* In pivo veritas. Praga: 1986.
20. *Докторов Б.З.* Вместо заключения. Власть и общественное мнение. В кн.: *Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. Москва: Фонд «Общественное мнение». 2002, с. 349-361.
21. *Заславская Т.И.* К десятилетию ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. 1998. Вып. 1 (33).
22. *Левада Ю.* «Одна Москва, одни деньги, один телевизор». Независимая газета, 11 мая 2000 <http://kuchaknig.ru/show_book.php?book=113758>.
23. *Левада Ю.А.* Общая газета, 5–11 августа, 1999.
24. *Челпанов Г.И.* Учебник логики: (для гимназии и самообразования). Москва: Думнов и бр. Сагаевы, 1917.